

Ю.В. Герасимов✉, М.А. Корусенко✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: otto_link@mail.ru; ngajapti@yandex.ru

**Некоторые вопросы
этнокультурной истории аборигенного населения
в среднем и нижнем течении реки Тара в XV–XVI веках
(по археологическим материалам)**

В статье рассматривается формирование аборигенного населения р. Тара в контексте этнокультурной истории. Этнографические данные и письменные источники XVI–XVIII вв. предоставляют информацию об исторических предках современного тюркоязычного населения региона (тарских татар). Авторы соотносят с этим историческим периодом известные могильники XVII–XVIII вв., для которых характерна северо-западная ориентация умерших. Можно предположить, что формирование аборигенного населения в этом регионе началось раньше – в XIV–XV вв. н.э., когда здесь исчезают памятники усть-ишимской культуры развитого Средневековья. Однако данных об этом этапе истории мало. До настоящего времени не выявлены и убедительно не атрибутированы погребальные памятники указанного периода, не известны и исторические источники. Как полагают авторы, определенные результаты может дать изучение погребений с северо-восточной ориентацией умерших, которые выявлены на нескольких могильниках региона. В результате раскопок могильника Черталы III, расположенного в среднем течении р. Тара, авторам удалось получить данные, которые позволяют датировать подобные захоронения периодом XV–XVI вв. Остается загадкой этнокультурная принадлежность населения, оставившего указанные памятники, хотя некоторые особенности погребального обряда позволяют предполагать их связь с самодийцами. Дальнейшее изучение таких материалов позволит не только решить некоторые спорные вопросы раннего этапа этнической истории тарских татар, но и получить новые сведения о периоде между существованием этой этнографической группы сибирских татар и носителей усть-ишимской культуры, который пока выглядит как белое пятно.

Ключевые слова: р. Тара, аборигенное население, этнокультурная история, могильники, погребения, усть-ишимская культура, контакты.

Yuri V. Gerasimov✉, Mikhail A. Korusenko✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: otto_link@mail.ru; ngajapti@yandex.ru

**Some Issues of Ethnic and Cultural History
of the Indigenous Population Living
in the Middle and Lower Tara Region in the 15th–16th Centuries
(Based on Archaeological Evidence)**

The article discusses the emergence of the indigenous population inhabiting the basin of the Tara River in the context of ethnic and cultural history. Ethnographic evidence and written records of the 15th–18th centuries AD provide information about the historical ancestors of the contemporary Turkic-speaking population of the region (the Tara Tatars). The authors correlate the famous burial grounds of the 17th–18th centuries, where the deceased were oriented along NW, with this chronological period. Supposedly, the emergence of the indigenous population in this region had begun earlier, approximately in the 14th–15th centuries AD when major sites of the Ust-Ishim culture of the Advanced Middle Ages disappeared in that region. Unfortunately, the evidence about that historical period is scarce: burial sites have not yet been found and attributed;

historical sources are also unknown. The authors suggest that some answers can be obtained from studying the burial grounds with the orientation of the deceased to the NE, which is the case at some sites of the region. The excavations at the burial ground of Chertaly III in the middle reaches of the Tara River have revealed the evidence making it possible to date such burials to the 15th–16th centuries. However, even now the ethnic and cultural identity of the population which left these burials remains unknown, although some features of the funeral rite suggest their connection with the Samoyedic peoples. Further research of the evidence obtained will make it possible not only to clarify some problems associated with early stages of ethnic and cultural history of the Tara Tatars, but will also provide new insights into the period between the emergence of the ethnic group of the Siberian Tatars and representatives of the Ust-Ishim culture.

Keywords: *Tara River, indigenous people, ethnic and cultural history, burial sites, burials, Ust-Ishim culture, contacts.*

В настоящей работе авторы предлагают рассмотреть некоторые аспекты этнической истории коренного населения южнотаежного Прииртышья в период позднего Средневековья – Нового времени с учетом археологических данных, полученных за последние годы.

В конце XVI в. в южнотаежном Прииртышье появляется русское население, положив начало формированию современной этнической картины. К этому моменту на территории интересующего нас региона – среднего и нижнего течения р. Тара, которая является географической границей зон южной тайги и лесостепи, – существовала сеть населенных пунктов аборигенного населения, которое затем в этнографической литературе получило обозначение «тарские татары», подгруппа «аялу». Н.А. Томилов в своей работе, посвященной этнической истории тюркоязычного населения Тоболо-Иртышского междуречья, приводит сведения Б.О. Долгих, полученные из ревизских сказок начала XVII в. с перечнем деревень (аулов) аборигенного населения, которые уже существовали в регионе [Томилов, 1980]. Из письменных документов известны только названия населенных пунктов, места их расположения можно только предполагать с известной долей условности.

Данные, которые нам стали доступны в результате комплексных археолого-этнографических исследований, свидетельствуют, что, как правило, у большинства современных населенных пунктов тарских татар выявлены комплексы археологических объектов, состоящих из поселения и могильника позднего Средневековья, предположительно оставленных их историческими предками. Их изучение началось сравнительно недавно, тем не менее к настоящему времени в регионе среднего и нижнего течения р. Тара обнаружена и в разной степени исследована серия могильников, датируемых XVII–XVIII вв., для которых характерна определенная специфика погребального обряда. К числу таких памятников относятся могильники Чеплярово XXVII, Окунево VII, Бергамак II, Черталы III, Надеждинка VII, Льнозавод IV, Кыштовка-2.

Упомянутые некрополи представляют собой могильные поля небольших подовальных или подпрямоугольных в плане насыпей, высотой от 0,15–0,2 м до 0,4–0,6 м, ориентированных по линии СЗ – ЮВ. В могильниках насчитывается от нескольких десятков до нескольких сотен таких насыпей, как правило, расположенных на мысовидных участках коренной террасы р. Тара. Стоит отметить, что каждый из известных могильников имеет свое «лицо» – насыпи размещаются в таких объектах в определенном порядке, могут иметь или не иметь следов опоясывающих или прерывистых ровиков и т.д. Захоронения совершались в относительно глубоких подпрямоугольных ямах, размер которых коррелировал с ростом погребенного. Часто ямы перекрывались продольно расположенными плахами, на которых (или вблизи) фиксируются следы погребального костра, засыпанного землей при сооружении насыпи. Умерший укладывался вытянуто на спине, головой на северо-запад. Погребальный инвентарь включал элементы одежды, орудия труда, иногда – оружие, ритуальные предметы. Характерной чертой можно считать отсутствие керамических сосудов в могилах, хотя в насыпях они иногда встречаются, равно как и небольшие медные котлы. Насыпи в некоторых случаях заключали в себе имитацию сруба наземного жилища высотой в 2–3 венца. Как правило, такие сооружения прямоугольные в плане и призматические в сечении.

Находки, полученные при раскопках насыпей северо-западной ориентации на могильниках Чеплярово XXVII, Окунево VII, Бергамак II, Черталы III, Льнозавод IV, Кыштовка-2, позволили датировать погребения по нумизматическому материалу – нюрнбергским счетным жетонам [Корусенко, Милищенко, 2002] и сопроводительному инвентарю – концом XVI – XVIII в. Описанные комплексы убедительно интерпретируются как оставленные историческими предками тарских татар. На наш взгляд, к этому же кругу памятников следует отнести и могильник Кыштовка-2 на основании следующих соображений. Прежде всего, это сходство погребального обряда в деталях: ориентация и положение умерших, устройство погребальных

сооружений, инвентарь. Крестовидные бляшки, которые В.И. Молодин посчитал свидетельством принадлежности памятника хантыйскому населению, обнаружены также в могильнике Окунево VII [Матющенко, 2003, с. 33, рис. 69]. До настоящего времени в регионе не обнаружено ни одного могильника типа Кыштовки-2, который был бы убедительно интерпретирован как хантыйский, между тем сходные с этим памятником до деталей некрополи убедительно связываются с историческими предками тарских татар.

Характерной особенностью большинства таких некрополей являются приуроченные к краям террас цепочки курганных насыпей, отличающихся от описанных выше размерами и высотой. Датировка изученных курганов укладывается в период существования потчевашской и усть-ишимской культур. Планиграфически указанные насыпи являются основанием структуры погребального комплекса позднего времени. Данные наших наблюдений свидетельствуют о том, что территории распространения усть-ишимских комплексов и памятников, связываемых с предками тарских татар, в пределах как минимум южнотаежной зоны совпадают.

В научной литературе утвердилась точка зрения о том, что население, оставившее памятники усть-ишимской культуры, ассоциируется с угорским этнокультурным пластом таежной зоны; хронологические рамки бытования культуры доводятся до начала XIV в. Таким образом, в археологических материалах фиксируется лагуна протяженностью без малого 300 лет, которая не позволяет решить вопрос о месте и роли населения развитого Средневековья в процессе формирования различных этнических подразделений тоболо-иртышской группы сибирских татар.

В настоящее время среди исследователей нет единой точки зрения на этот процесс. Общим местом является признание того факта, что различные этнические группы тоболо-иртышских татар, бытование которых зафиксировано в исторических источниках начала XVII в., сложились на основе синтеза угорского населения тайги и тюркского – лесостепи. Процессы этнической консолидации происходили в разных условиях, что и определило этнокультурные различия локальных групп сибирских татар. Конкретные формы и механизмы указанного процесса остаются предметом дискуссий. Так, В.И. Молодин, В.И. Соболев и А.И. Соловьев выдвинули тезис о том, что на основе носителей усть-ишимской культуры при участии тюркского населения, пришедшего в лесостепь Западной Сибири из Алтайских степей, сформировалась этническая группа южных хантов, которая оставила могильники Кыштовка-1

и -2. Характерные черты погребальной обрядности этой группы, выступающие этнокультурным маркером: вещевой комплекс, захоронения под невысокими овальными насыпями в подпрямоугольных ямах, ориентация погребенных головой на северо-запад, использование огня в ритуале. В отличие от этой линии генезиса, этническая общность барабинских татар сложилась в Центральной Барабе на основе тюркского населения лесостепи, испытывавшего культурное влияние угорских традиций [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 195]. С этим населением связаны могильники Преображенка-3, Малый Чуланкуль-1, Абрамово-10, характерными чертами обрядности для которых являются захоронения под округлыми куполообразными насыпями в ямах подпрямоугольной формы, с отвесными стенками и ровным дном, с ориентацией погребенных на юго-запад. К этому же кругу памятников исследователями отнесен и могильник Крючное-6, хотя он и обладает определенной спецификой, отраженной в элементах погребальной обрядности (наиболее яркая черта – ориентация погребенных на северо-восток). Авторы объясняют указанную особенность инверсией традиции, связанной с ориентацией на закат, которая проявилась в северном памятнике «южного татарского населения, глубоко внедрившегося в таежное окружение и при этом сохранившего черты своего этнического колорита» [Позднесредневековые комплексы..., 2012, с. 108]. Наряду с угорским и тюркским компонентами определенную роль в этнической истории коренных народов сыграло самодийское население, что отражено в некоторых погребениях изученных комплексов, но детализировать ее пока не удалось из-за слабости источниковой базы.

С.С. Тихонов и С.Ф. Татауров полагают, что к формированию этнической группы тарских татар привела трансформация усть-ишимской культуры на протяжении XIV–XVI вв. под влиянием тюркских традиций. Указанный процесс, по мнению ученых, нашел отражение в материальной культуре, в т.ч. керамике [Татауров, Тихонов, 2002, с. 133]. Развивая эту идею, авторы в своих новейших публикациях предлагают считать усть-ишимскую культуру историографическим заблуждением, рассматривая XI–XIV вв. как период эволюции культуры тюркского населения южнотаежной зоны, которое приводит в XVI столетии к образованию этнических подразделений сибирских татар, впрочем, не обременяя себя каким-либо обоснованием этой революционной идеи [Татауров, Тихонов, 2019, с. 111].

Утверждению о прямой преемственности усть-ишимского населения и некоторых этнических групп сибирских татар, как нам представляется,

противоречат накопленные к сегодняшнему дню данные. Сравнительный анализ показывает, что в погребальных памятниках усть-ишимской культуры развитого Средневековья и погребениях Нового времени фиксируются черты как сходства, так и отличия. Ярким проявлением региональной традиции можно считать устоявшуюся ориентацию погребенного головой в сектор З – ССЗ. Но если в могильниках усть-ишимской культуры указанная ориентация является просто преобладающей, составляя порядка 60 %, при этом сосуществуя с ориентацией к югу и юго-востоку, то для погребений XVI–XVII вв. эта черта становится абсолютно преобладающей. Следует отметить и своеобразное использование огня в погребальном обряде: костер разводился на плахах перекрытия и засыпался землей в процессе сооружения насыпи. Зафиксированная на некоторых погребениях усть-ишимской культуры эта практика получает широкое распространение в могильниках XVI–XVII вв.

Различия традиций проявляются, в первую очередь, в самой организации некрополей: на поздних памятниках количество насыпей исчисляется сотнями, в то время как на усть-ишимских ограничено двумя-тремя десятками. Данное новшество иллюстрирует, как мы полагаем, изменение представлений о смерти, согласно которым теперь следовало погребать всех умерших на одном кладбище и по единому обряду. Следует отметить тенденцию к сокращению размеров насыпей и могильных ям при углублении последних; наконец, исчезает обычай помещать в погребение сосуд. Изменяется вид внутри- и надмогильных элементов, конструкций и сооружений. Таким образом, археологические материалы, по которым можно реконструировать элементы погребальной обрядности, не позволяют сделать однозначный вывод о механизмах и степени этнокультурной преемственности между населением усть-ишимской культуры и историческими предками тарских татар.

Одним из устойчивых признаков этнокультурной принадлежности погребальных памятников обоснованно считается ориентация умершего. Для изучаемого региона указанный маркер выглядит следующим образом: захоронения барабинских татар ориентированы на юго-запад, в могильниках тарских татар преобладает северо-западное направление. Кроме того, для указанных захоронений не характерно помещение в могилы сосудов. Интересно отметить, что на Кыштовке-2 сосуды не встречались в погребениях с северо-западной ориентацией, но два таких предмета обнаружены в могилах, обращенных на юго-восток. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что данный комплекс следует рассматривать как однокультур-

ный могильник, соотносимый с историческими предками тарских татар, а не южных ханты.

Материалы, полученные в 2014 г. при исследовании могильника Черталы III, позволяют сформулировать новый подход к рассмотрению проблемы формирования этногенеза коренного населения южнотаяжного Прииртышья. При раскопках на этом некрополе был выявлен анклав погребений, которые отличаются некоторой спецификой погребального обряда [Герасимов, Корусенко, 2014]. Захоронения совершались в ямах глубиной 20–30 см, умершие укладывались головой на СВ. Сопроводительный инвентарь в погребениях этой группы относительно небогат: сосуды с заупокойной пищей, небольшие ножи и наконечники стрел, бусины. Большинство могил перекрыто невысокими, до 0,4 м, насыпями овальной формы, ориентация которых совпадает с ориентацией ямы. Особенностью погребального ритуала этой группы можно считать наличие керамических сосудов в захоронениях. Интересное погребение исследовано в кург. № 21. Насыпь кургана округлых очертаний, диаметром до 4,5 м и высотой 1,2 м, умерший уложен вытянуто на спине, в яме глубиной 0,8 м, головой на СВ. Свидетельств использования огня в ритуале не отмечено. Сопроводительный инвентарь включает небольшой бронзовый котел с остатками заупокойной пищи, набор железных и костяных наконечников стрел, детали колчана, железные кольчатые удила, бронзовое зеркало в берестяном чехле. На лицевой части черепа зафиксированы остатки погребальной маски (?) в виде трех бронзовых фигурок рыбок, расположенных на глазницах и отверстиях рта, и клыка хищника в области носа. В двух случаях удалось установить, что могилы этого типа перекрыты погребениями с северо-западной ориентацией, что позволяет утверждать более позднее происхождение последних. В пользу более ранней датировки погребений с северо-восточной ориентацией говорит и сопроводительный инвентарь, более архаичный по своему облику и составу. Так, в этом комплексе отсутствуют монеты; ножи и наконечники стрел морфологически тяготеют не к русским образцам, а к более ранним местным формам.

Таким образом, в составе могильника Черталы III был выявлен неизвестный ранее анклав погребений, ближайшие аналоги которого можно увидеть в могильнике Крючное-6, расположенном выше по течению р. Тара [Позднесредневековые комплексы..., 2012]. Кроме того, единичные захоронения такого типа известны в могильниках Кыштовка-2 и Надеждинка VII. До настоящего времени эти погребения интерпретировались как инверсия могил с юго-западной ориентацией, оставленных

историческими предками сибирских татар. Полученные нами материалы дают достаточные основания оспорить такую агрибуцию. Хронологически подобные комплексы следует рассматривать как предшествующие комплексам с северо-западной ориентацией, но для их этнокультурной интерпретации данных пока не достаточно. Некоторые особенности ритуала и компоненты вещевого комплекса позволяют предполагать культурное влияние таежного (южнохантыйского или самодийского) населения [Герасимов, Корусенко, 2017].

Интерпретация погребений с северо-восточной ориентацией как инверсия юго-западной, предложенная исследователями могильника Крючное-б, на наш взгляд, является ошибочной по ряду причин. Историографически подход авторов понятен – комплекс долгое время оставался единичным памятником, аналоги которому отсутствовали. Единичные захоронения с северо-восточной ориентацией умерших в могильнике Кыштовка-2 логично было рассматривать в контексте преобладающей обрядности. Но комплекс, изученный в составе некрополя Черталы III, позволяет иначе понять ситуацию.

Могильники с северо-восточной ориентацией погребенных следует рассматривать как проявление этнокультурной традиции, отличной от зафиксированных ранее. В пользу этого говорит не только ориентация, но и другие элементы погребального обряда. Так, для данных захоронений характерно наличие в составе сопроводительного инвентаря сосудов, а также отсутствие счетных жетонов, монет и других предметов русского импорта, что резко отличает их от могил с северо-западной и юго-западной ориентацией. Выделяют указанные комплексы и такие детали, как устройство могильных ям, форма насыпей, отсутствие следов огня в ритуале. С высокой долей уверенности можно говорить о том, что носители данной культурной традиции приняли участие в сложении аборигенного населения Тарского Прииртышья, но определить их роль и место в этом процессе пока сложно.

Таким образом, приведенная нами аргументация позволяет сформулировать гипотезу о том, что именно население, оставившее комплексы с северо-восточной ориентацией на ряде могильников среднего течения и низовий р. Тары, может быть ассоциировано с выходцами из таежного мира, скорее всего самодийцами. В дальнейшем эти группы, вероятно, вошли в состав локальных групп тарских татар, что нашло отражение в этногенетических преданиях, зафиксированных в д. Черталы и других населенных пунктах среднего течения р. Тара при этнографических сборах второй половины XX в.

Список литературы

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 146–148.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребения с северо-восточной ориентацией в Тарском Прииртышье: проблемы интерпретации // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: ИД «Принт», 2017. – С. 143–147.

Корусенко М.А., Милиценко О.А. Счётные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 2002. – Т. 5. – С. 110–122.

Матюшенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII). Раскопки 1998, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – 64 с. + 93 илл.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 262 с.

Познесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / В.И. Молодин, А.В. Новиков, Д.В. Поздняков, А.И. Соловьев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН; Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 162 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 2002. – Т. 5. – С. 122–133.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 1. – С. 103–112.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – 276 с.

References

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Chertaly Burial Ground: Excavation of the 2014 and Research Results. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 146–148. (In Russ.).

Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Pogrebeniya s severo-vostochnoi orientatsiei v Tarskom Priirtysh'e: problemy interpretatsii. In *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: vzglyad skvoz' vremya: Materialy mezhdunar.*

konf., posvyashchennoi 80-letnemu yubileyu L.A. Chindinoi. Tomsk: ID "Print", 2017, pp. 143–147. (In Russ.).

Korusenko M.A., Milishchenko O.A. Schetnye pfennigi iz pamyatnikov v nizov'yakh r. Tary. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 2002, vol. 5, pp. 110–122. (In Russ.).

Matyuschenko V.I. Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (OM VII). Raskopki 1998, 1999 godov. In *Novoe v arkhologii Priirtysh'ya*. Omsk: State Univ. Press, 2003, iss. 3, 64 p. + 93 ill. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Pozdnyakov D.V., Soloviev A.I. Poznesrednekovye komplekсы na ozere Kryuchnoe (Srednyaya Tara). Novosibirsk, 2012, 162 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Soloviev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednekov'ya. Novosibirsk: Nauka. Sib otd-nie, 1990, 262 p. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Srednekovye drevnosti Tarskogo Priirtysh'ya (genezis, khronologicheskaya prinadlezhnost', kul'turno-etnicheskaya interpretatsiya). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 1, pp. 103–112. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Tarskoe Priirtysh'e v XIV–XVI vv. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe predpriyatie RAN, 2002, vol. 5, pp. 122–133. (In Russ.).

Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI – pervoi chetverti XIX v. Tomsk: State Univ. Press, 1980, 276 p. (In Russ.).

Герасимов Ю.В. <https://orcid.org/0000-0002-5066-576X>

Корусенко М.А. <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>